
Интерлюдия. Лорд Воландеморт.

— Мой Лорд, — обратился ко мне Малфой.

— Люциус-с, мой скользкий друг, — обратил я на него внимание.

— У меня тревожные новости, — продолжил подчиненный.

— Какие же, позволю спросить? — я холодно взглянул на него.

Блондин мялся, не зная с чего начать. Ничего. У меня есть способ его поторопить.

— Круцио! — я использовал на нем проклятье боли, — Ты расскажешь мне уже, что произошло, или просто пришел потратить мое время?

— П-прошу, мой Л-лорд, — с трудом сказал Люциус, поднимаясь с пола после того, как я перестал использовать заклинание, — Не надо больше.

— Тогда поторопись и скажи уже, зачем пришел! — прошипел я.

— Б-братья Лестрейндж не выходят на связь, — быстро проговорил он.

Малфой сжался в ожидании наказания. Не буду заставлять его ждать.

— Круцио! — вновь использовал я пыточное и наслаждался криками боли.

Долго поддерживать заклинание активным я не собирался. Мне ведь нужны живые «соратники».

— Что-то еще? — спросил я, выпустив немного дух.

— М-мой Лорд, — жалко прошептал Люциус.

— Говори! — приказал я, поднимая палочку для еще одного пыточного.

— Прошу, не надо! Эйвери и Кэрроу также перестали отвечать.

Какое совпадение. Люди, посланные убить Поттеров, не выходят на связь. Это означает только одно — все они мертвы.

— Пошел вон! — выгнал я Малфоя, который моментально скрылся с моих глаз, опасаясь вновь быть наказанным.

Опять эти Поттеры. Слишком часто они стали мешать нашим планам. Они оказались проблемой похуже, чем этот глупый старик со своим Орденом. Особенно их Наследник.

Если не удалось избавиться от старшего поколения, значит займемся младшим. Тем более, что Северус принес весть о некоем пророчестве. О ребенке, что будет обладать достаточной силой, чтобы одолеть меня. Какая нелепица.

Было ей, пока вновь не вылезли эти Поттеры. У них родился ребенок, который идеально подходит под пророчество. Необходимо убрать этого ребенка, пока он не стал проблемой. И в этот раз надо сделать все самому.

— Никому нельзя доверять, — сказал я, взяв свою палочку и аппарировав.

Аварис.

Оказавшись дома, отнес маму в их спальню, где уложил на кровать. Присел рядом на кровать и взял в свои ладони ее теплую руку. У нее такое умиротворенное лицо, пока она спит. Страшно представить, как я должен буду рассказать ей о случившемся. О смерти отца.

— Я защищу вас, — прошептал я, глядя истинным зрением на маму и ту искру жизни, что теплилась в ее животе.

Будто услышав меня, мама открыла глаза, и ее лицо озарила мягкая улыбка. Похоже, ей снится что-то хорошее.

— Спи, — тепло улыбнувшись, прошептал я, прежде чем встать с кровати, — Надеюсь, когда ты проснешься, тебе больше не придется волноваться.

Приказал эльфу следить за ее состоянием и, чуть что, звать меня или дедушку, я сам направился на первый этаж. Проходя в гостиную, увидел дедушку, который сидел в кресле и пустым взглядом смотрел в огонь камина. Карлус будто постарел на добрый десяток лет. Последний раз таким я его видел, когда умерли Дорея и Флимонт с Юфимией.

«Еще одна моя ошибка», — подумал я, садясь в соседнее кресло.

— Как ты? — обеспокоенно спросил я.

— Неправильно это, — опустошенно проговорил старик, игнорируя вопрос, — Не должны родители хоронить своих детей.

Дедушка посмотрел на меня, думая о чем-то своем, и вернулся к созерцанию огня.

— Жить буду, — наконец-то ответил Карлус, — Бедная Диана.

— Ты знал, что мама беременна? — спросил я деда.

— Да, — ответил Карлус.

— И на кой черт их понесло в Мунго? Нельзя было вызвать колдомедика на дом?

— Тогда ты бы все понял, а они хотели сделать тебе сюрприз.

— Сделали, — сквозь зубы выпустил я воздух, злясь на себя, — Что я теперь должен сказать маме?

— Не знаю, — пожал плечами дед.

— Вот и я не знаю, — покачал я головой, — Но сказать придется.

— Придется, — согласился дедушка.

На какое-то время мы замолчали, каждый думая о своем.

— Что дальше? — спросил Карлус.

— О чем ты? — не понял я вопроса и недоуменно посмотрел на него.

— Что нам делать дальше? — повторил он вопрос с уточнением.

— И почему ты спрашиваешь это у меня? — я вопросительно посмотрел на него, подняв одну бровь, — Ты старший, тебе и решать.

— Если ты помнишь, я сложил с себя полномочия главы, — усмехнувшись, он хитро посмотрел на меня, — И возвращаться к ним я не горю желанием.

— И что это значит? — спросил я, надеясь, что он опровергнет мои предположения.

— Это значит, что ты теперь Глава семьи. И отвечаешь за нее тоже ты.

Этого мне еще не хватало. Взваливать на себя дополнительные обязанности. Вот только непохоже, что старик шутит, а это значит, что все действительно ложится на мои плечи.

— К тому же, я тебя слишком хорошо знаю, — продолжил дедушка, — И уверен, что ты уже что-то задумал.

— Всего лишь заставить их заплатить, — зло ответил я, и на эти слова где-то глубоко внутри меня довольно заворочалась Тьма, — Но сначала надо забрать Джеймса с семьей. К черту этот план с Фиделиусом. Лучше пусть будут рядом, так будет надежнее.

— Когда отправишься?

— Прямо сейчас, — ответил я, вставая со своего места, — Сейчас нельзя медлить.

Чувство, что время утекает сквозь пальцы, становилось лишь сильнее.

Годрикова впадина находится в магловском мире, в относительной близости к городу Веллингтон. Поселение довольно старое, в котором бок о бок живут волшебники и маглы. Кому это приносит больше дискомфорта еще не ясно, но, по моему мнению, маги теряют больше от сосуществования рядом с простыми людьми. По крайней мере, после принятия Статута.

Вообще, место можно назвать довольно престижным, так как здесь родилось много именитых волшебников. Чего стоит только сам Годрик Гриффиндор, собственно, в честь кого и назвали

поселение. Если одного из основателей Хогвартса мало, то как насчет мага, который создал первый снитч? Интересно, он переворачивается в гробу каждый раз, когда его проклинает очередной ловец, пытающийся поймать это бешенный «мяч»? Думаю, не стоит упоминать, что Дамблдоры тоже росли здесь.

Переместившись в Годрикову впадину, близ дома Джеймса и Лили, сразу заметил то, что меня насторожило — распахнутую калитку. Достав палочку, я стал тихо продвигаться в сторону дома. Пройдя через небольшой двор, оказался у входной двери, которая также была открыта настежь.

Ожидая самого худшего, зашел внутрь, где меня ожидали явные следы боя. Подпаленные следы, разрушенная стена в коридоре и поваленная, а где-то явно разрушенная мебель, которая явно стала предметом для трансфигурации. Продвигаясь вглубь дома, отмечал все более свежие следы.

Так было до тех пор, пока я не добрался до гостиной. В ней царил еще больший хаос, чем тот, что был увиден мною ранее. Апогеем стало бездыханное тело Джеймса, что лежало возле стены у камина. На груди его виднелись остатки от практически рассыпавшегося артефакта. Следовательно, умер он буквально несколько минут назад.

Будто вторя моим мыслям, послышался крик со второго этажа.

— Прощу, убей меня, не тронь моего сына! — зазвенел голос Лили.

Понимая, что время идет на секунды, я сорвался с места в надежде предотвратить еще одну смерть. Проносясь дальше по коридору, в направлении подъема на второй этаж, я сносил все на своем пути. Буквально взлетев по лестнице наверх, я услышал то, от чего из глотки практически вырывался утробный рык.

— Авада Кедавра! — громко произнес шипящий голос из детской.

Ускоряясь, что есть мочи, я влетел в комнату и стал свидетелем того, как тело Лили оседает на пол, а фигура в темном плаще заносит палочку над Гарри.

Понимая, что мне нельзя задеть ребенка, я использовал сильнейшее заклинание из доступных в такой ситуации. Казалось, что время замедлило свой ход. Из моих рук вырывается темный луч, размером с ладонь, и практически мгновенно достигает своей цели, буквально разрушая материю, с которой столкнулся. Пробивая спину цели насквозь, луч продолжает свой путь, ударяясь в стену и проделывая в ней дыру.

Одновременно с попаданием луча замечаю, как с палочки врага срывается зеленый сгусток энергии, который, быстро преодолев небольшое расстояние, попадает в ребенка.

— Нет! — только крик успевает вырваться из моего рта.

Голос вновь приобрел то самое пугающее звучание. Магия, вторя моему желанию защитить родную кровь, вырвалась из меня плотным потоком. Стелясь по полу в виде темной дымки, что видна даже невооружённым взглядом, она стремилась к ребенку, но предотвратить попадание убивающего проклятья не удалось.

Как оказалось, беспокоился я зря. В момент попадания авады проявилась знакомая защита артефакта, которая остановила заклинание. Убедившись, что в ближайшее время Гарри ничего не угрожает, я вновь переключил свое внимание на врага, который к этому моменту шокировано смотрел на разрастающуюся дыру в груди.

Капюшон спал с головы противника, и я смог воочию увидеть Темного Лорда. На голове не было ни единого волоска. Вместо носа лишь две тонкие прорези. Уши отсутствовали, оставив после себя лишь две еле заметные дырочки. Широкий рот, в котором виднелись острые зубы, и конечно же красные глаза с вытянутым зрачком. Бледная кожа, казалось, что превратилась в пергамент и потрескалась.

Наверняка некогда ужасающий внешний вид сейчас вызывал лишь жалость и презрение. Дыра, проделанная лучом, становилась все больше. Края раны опадали хлопьями пепла.

Выражение лица Воландеморта, если это еще можно было назвать лицом, сменилось с шокированного на разгневанное. Он посмотрел на меня, прежде чем опасть кучей пепла. Активировав истинное зрение, я увидел, как из останков вылетело то, что едва ли можно назвать полноценной душой. Прежде, чем он успел сбежать, я, в надежде повредить духу еще больше, полоснул по ней правой рукой, которая приняла облик когтистой лапы, напитанной магией.

В этот миг всему поселению был слышан потусторонний вой боли. Наконец душа, которая еще больше стала похожа на лохмотья, улетела из дома. Такой исход не предвещал ничего хорошего. Хотя я и повредил его душу, что должно усложнить процесс восстановления, я не успел избавиться от крестражей в Чаше и дневнике, а это значит, что у него все еще есть шанс возродиться. И Реддл явно запомнил того, кто смог лишить его материального тела.

Детский плач отвлек меня от мыслей о неизбежном будущем. Сейчас гораздо важнее проверить состояние Гарри и разобраться: какого черта они не сбежали, ведь я давал им портключ.

Подойдя к детской кроватке и склонившись над ней, увидел плачущего навзрыд младенца. На его лбу виднелась кровоточащая рана, что шла от правой брови вверх, и, судя по всему, очень беспокоила ребенка. Причина возникновения раны также была понятна: всему виной разлетевшиеся в стороны осколки знакомого артефакта. Того самого, что я пытался усилить и передал Лили.

Похоже она в отчаянии нацепила его на Гарри. Хотя если бы она оставила его у себя, я бы

успел спасти ее.

Бережно взяв ребенка на руки, нежно провел пальцем вдоль раны, используя простенькое заживляющее заклинание. Когда я убрал палец, на лбу ребенка остался лишь белесый шрам.

— Какая же сука — эта судьба, — пробормотал я, смотря в изумрудные глаза ребенка, — Даже так ты получил шрам. Спи.

Стоило только наложить на Гарри усыпляющие чары, он моментально уснул, забавно причмокивая беззубым ртом.

— Шэд, — тихо позвал я, зная, что домовик все равно услышит.

— Вызывали, господин? — спросил слуга, появившись рядом.

— Отправляйся домой, — сказал я, передавая ребенка эльфу, — И передай Гарри дедушке. Пусть позаботится о нем.

— Слушаюсь, — сказал эльф, исчезая вместе со спящим младенцем.

— А я пока попробую разобраться в произошедшем, — вздохнул я.

Начать я решил с детской, хоть и понимал, что вряд ли найду здесь хоть какие-то ответы.

Осматривая комнату, нашел палочку, которая принадлежала Лили. Она точно не могла ее просто так отбросить.

— Значит ты все-таки пыталась защититься, — с горечью сказал, взглянув на бездыханное тело женщины.

Все-таки авада очень милосердное заклинание. На теле Лили не было ни единой царапины, казалось, что она просто уснула.

В полной тишине услышал звук аппарации и, следом, приближающиеся шаги. Стараясь двигаться максимально тихо и накинув на себя дезиллюминационные чары, я отошел в сторону и стал поджидать непрошенного гостя. Прошло не более пары минут, как в комнату ворвался... Снейп.

Увидев Лили, тот сполз на пол по косяку двери и разрыдался. Присмотревшись к пожирателю, заметил металлический протез вместо потерянной ноги.

И как только он посмел явиться сюда. Скинув с себя чары, я невербально кинул связывающее в не ожидающего атаки Снейпа. Веревки опутали того по рукам и ногам, не позволяя даже свободно дышать.

Подойдя к распластавшемуся на полу сальноволосому ублюдку, я склонился над ним, чтобы быстро схватить того за грудки и прижать к стене.

— Здравствуй, Снейп, — прошипел я, вплотную приблизившись к нему, при этом держа того на весу.

— П-поттер? — удивленно прохрипел он, еле вдохнув воздуха.

— А кого ты ожидал увидеть, ублюдок? — оскалился я, — Своего господина? Или пришел удостовериться в проделанной работе?

— Нет, — с трудом ответил Северус.

— Как тебе плоды твоих действий? — я надавил на него сильнее, — Нравится?

— Нет, — повторил он совсем тихо.

— Какого это — видеть мертвой ту, которую любил? — все больше распалялся я, уже не сдерживая эмоции, — Понимать, что она умерла из-за твоих действий. Скажи мне, Снейп.

— Прошу, — хрипел пожиратель, но я его не слушал.

— Лучше бы ты тогда умер от руки Мура, — прикрикнул я, притянув и ударив его спиной об стену, а затем отпустил его.

Развевая веревки, связывающие его, я отступил на шаг. Северус сполз по стенке на пол и остекленевшими глазами уставился на тело Лили, при этом шевеля губами.

— ... — прошептал он столь тихо, что даже я не услышал.

— Что ты сказал? — спросил я, присев на корточки напротив него.

— Убей меня, — громче сказал он.

— Убить? — удивился я, — Решил, что твоя смерть вернет мне их? Вернет Джеймса? Лили? Отца?

Его просьба показалась мне настолько дерзкой, что во мне вновь разгорелось пламя злости. Я не позволю ему отделаться так просто. Я хочу, чтобы он страдал. И страдать он будет только при одном условии — он останется в живых.

В сознании, будто из самых глубин моего естества, всплыл способ, который поможет наказать этого ублюдка. Клеймо раба, которое выжигается на самой душе, не позволяя слуге даже умереть без позволения хозяина. Абсолютная власть — и только один минус. Нанесение клейма требовало просто прорву энергии.

— Нет, — решившись, сказал я, — Ты не боишься смерти, ты ее жаждешь. Твое наказание должно быть более жестоким.

С этими словами я приложил ладонь ко лбу Снейпа и начал наносить клеймо под истошные крики боли. Процесс был настолько долгим, что я уже начал думать, что мне не хватит сил. Благо, все завершилось, когда я находился уже на грани истощения.

Опустив руку, смог увидеть полыхающий символ служения, который постепенно исчезал из материального мира, оставаясь при этом на душе.

— Теперь ты мой, — злорадно оскалился я, — Со всеми потрохами.